

Владимир ШВЕЙЦЕР¹

В советские времена День Победы в нашем семейном кругу отмечался особенно торжественно. Собиралась родня, мужская часть которой – фронтовики, украшавшие свою грудь правительственными наградами различного достоинства. На их фоне отец и мать, хотя и не принимавшие участия в боевых действиях, также не выглядели сторонними наблюдателями. Об их вкладе в победу над фашизмом я хочу рассказать без особых пафосных эпитетов, проиллюстрировав этот факт рядом эпизодов чекистской работы родителей в те нелегкие для нашей страны годы.

Под крышей торгпредства в Берлине

В органы госбезопасности родители пришли разными путями. Отец – Яков Владимирович Швейцер, уроженец г. Екатеринослава (последовательно переименованного в Днепропетровск, а теперь в Днепр), по комсомольской путевке был направлен на журналистскую работу в Дагестан. Однако журналистом он пробыл сравнительно недолго. На него обратили внимание работники местного ОГПУ, заинтересованные в пополнении своих рядов образованной молодежью. В Дагестане отец проработал несколько лет. Выполняя оперативные задания по борьбе с местной контрреволюцией (сегодня людей этого сорта можно назвать исламскими фундаменталистами), Я.В. Швейцер получил пулевое ранение в ногу. Следствием этого стала ее ампутация и непригодность инвалида к оперативной работе.

Но органы госбезопасности отец не покинул. Пригодилось его хорошее знание немецкого языка, который Я.В. Швейцер освоил, общаясь в годы Первой мировой войны с военнопленными немцами и австрийцами. После Дагестана он был переведен на службу в центральный аппарат ОГПУ-НКВД, где, после прихода Гитлера к власти, стали формироваться кадры для работы в Германии. Это направление развивалось на базе Высшей школы НКВД, слушателем, а затем и сотрудником которым стал мой отец. Понимая, какую угрозу для СССР представляет гитлеровская Германия, чекистское

---

¹ Швейцер Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, руководитель Отдела социальных и политических исследований, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009 Россия, Москва, ул. Моховая 11-3. partsist@list.ru

руководство поставило задачу создания сети нелегальных информаторов из числа немцев, критически настроенных к гитлеризму. Этой работой должны были заниматься чекисты, внедренные в различные советские учреждения. Ключевую роль здесь играли посольство и торговое представительство СССР в Берлине. К последнему и был прикомандирован Я.В. Швейцер, официально считавшийся экспертом по закупке необходимого для СССР технического оборудования. Этот статус позволял ему посещать различные предприятия Германии, где в общении с местным инженерным и техническим персоналом он мог подбирать людей, готовых информировать СССР обо всем, что было важно в интересах обеспечения безопасности нашего государства.

В стенах торгпредства отец познакомился с работавшей там моей матерью. Вскоре они поженились. Она также оказалась в Берлине не случайно. Как и отец, с детства хорошо знала немецкий язык, причем здесь свою роль сыграла ее мать – моя бабушка, окончившая в свое время Петербургский Институт благородных девиц, где языкам уделялось особое внимание.

Достоин упоминания один эпизод, имевший непосредственное отношение к началу работы моей матери в торгпредстве. Ей, наряду с другими сотрудниками, было поручено собрать, опираясь на различные источники, материал о так называем «путче Рёма» — кровавых июльских событиях 1934 г., приведших к уничтожению Юлиусу Рёму, возглавлявшего СА, и считавшегося вторым после Гитлера человеком в нацистской иерархии. Мать подготовила небольшой аналитический обзор по заданной теме, в который она включила не только материалы прессы, но и сведения, полученные ею в процессе общения с простыми берлинцами. Был сделан вывод, что далеко не все немцы верили в официальную версию случившегося (борьба с гомосексуализмом Рёма и его сподвижников в СА), видя в этом событии политический след.² Мамин отчет понравился не только берлинскому начальству в торгпредстве и посольстве, но и получил положительную оценку в Москве. После возвращения в столицу в конце 1937 г., мать была переведена на работу в НКВД, где проработала вплоть до ухода на пенсию в звании майора весной 1960 г.

Война на пороге

Итак, мои родители стали не только супругами, но и сослуживцами. Правда, работали они в различных подразделениях НКВД. Отец вернулся в Высшую школу НКВД, мать попала в «12-й отдел», собиравший информацию визуального и оперативного характера об иностранных посольствах в Москве. Вначале она была включена в группу по контролю над

---

² Интерес Сталина к «рёмовскому путчу» и всему, что с этим было связано, представляется неслучайным. Именно в 1934 г., после XVII съезда ВКП(б), где многие кандидаты не поддержали его кандидатуру на пост генсека, у него возникла идея ликвидации тех, кто отказал ему в доверии. Гитлеровский опыт решения этого вопроса был также взят на вооружение, о чем свидетельствовали «показательные процессы» 1937-1938 гг.

германским посольством. Получив форму рядового милиционера, нередко выполняла наблюдательные функции в формально существовавшей внешней охране посольства. Получив фото всех сотрудников дипломатического ведомства, мать могла сообщать начальству о перемещениях и разговорах посольских работников. Впрочем, вскоре начальству стало ясно, что «милиционеры» хорошо известны германским разведчикам, почти полностью составлявшим штат посольства. Впоследствии выяснилось, что у них имелось фотодосье на советских граждан, работавших в 30-е годы в Берлине. Разоблачена была и моя мать, причем с известным чувством немецкого юмора. Во время одного из дежурств к ней подошел советник германского посольства Хильгер, задавший каверзный вопрос: «Госпожа Челнокова (фамилия первого мужа), вы, кажется, оставили свою прежнюю работу во Внешторге?». Мать сразу же сообщила начальству об этом происшествии, однако было решено, что снимать с поста опытного сотрудника нецелесообразно, и мать продолжала в милицейской форме выходить на пост у посольства Германии. Она первой сообщила в середине июня 1941 г. о том, что из трубы посольства, несмотря на жаркое время, постоянно идет дым. Начальство вполне резонно предположило, что немцы уничтожают важные документы. Это, безусловно, было одним из сигналов скорого начала войны.

Еще более серьезными доказательствами обладал мой отец. Формально он являлся начальником учебной части Высшей школы НКВД, располагавшейся тогда в Кисельном переулке, рядом с Трубной площадью. Однако его главной задачей являлся анализ агентурных материалов, получаемых от немецких граждан, завербованных нашей разведкой. Использовали опыт отца и при подготовке кадров для работы в разведке. В канун войны он, в частности, проверял знание немецкого языка у самого Николая Кузнецова, прославившегося работой в немецком тылу в годы войны. В отчёте о телефонной беседе с Н.И. Кузнецовым отец отметил у него «блестящий берлинский акцент», что было явным подспорьем будущему Паулю Зиберту.

С начала 1941 года работа отца целиком и полностью была связана с подготовкой Германии войны против СССР. Агентура давала много свидетельств того, что немцы в недалёком будущем, завершив разгром англо-французов на западе Европы, начнут широкомасштабные действия против нашей страны. Правда, до мая – июня 1941 года эти сведения носили разрозненный характер и опирались в основном на слухи и обрывочные разговоры в военных кругах Германии о скорой войне на востоке. Однако в начале июня нелегал, работавший в ведомстве немецких железных дорог, передал по тайным каналам связи уникальный по важности документ: это был план финансирования железнодорожных связей Германии с сопредельными государствами на второе полугодие 1941 года, в котором советское направление просто не присутствовало. Отец немедленно передал бесценный материал наверх, сопроводив его своим заключением, из которого следовало, что война начнётся уже в последней декаде июня 1941 года.

После передачи сведений начальству капитан Я.В. Швейцер с нетерпением ждал его реакции. И она последовала 14 июня, причём самым неожиданным образом. Утром того дня позвонили из наркомата и сказали, что скоро за отцом приедет машина (он с семьёй жил тогда на служебной даче в Серебряном бору) для беседы по поднятой им теме. Машина «эмка» действительно скоро приехала, но привезла отца не к парадному подъезду на Лубянке, а прямым ходом заехала во внутренний двор. Встречавший его офицер попросил сдать оружие и провел его в ту часть здания Лубянки, в которой была расположена внутренняя тюрьма НКВД. В одной из комнат сидели три незнакомых ему офицера, зачитавшие отцу документ. Согласно сказанному, отец задерживался за распространение ложных слухов о возможной войне с Германией. Его провели в одну из камер внутренней тюрьмы, положили на стол несколько листов чистой бумаги и предложили написать признательные показания о якобы полученном им задании от британской разведки, которой он был завербован во время берлинской командировки. Также перед ним положили свежий номер «Известий», в котором советское правительство дезавуировало все слухи о возможном конфликте между СССР и Германией. Отцу предложили позвонить матери по внутреннему телефону и сообщить ей, что он на неопределенное время задерживается на работе. Мама, по ее словам, вскоре поняла, что причина отсутствия мужа – отнюдь не служебные дела.

Оставшись один на один с обрушившейся на него бедой, отец не потерял присутствия духа и мужества, письменно указав, что источниками полученной им информации являлись проверенные друзья нашей страны. Какие-либо связи с британской разведкой он категорически отрицал, сделав вывод, что в ряды НКВД приникли нацистские агенты, стремящиеся нарушить работу органов государственной безопасности.

Написанное капитаном Швейцером не произвело никакого впечатления на следователей, работавших по его делу. Отцу было сказано, что если к ближайшему воскресенью (22 июня) он не сознается, то расстрельный приговор гарантирован. В ответ он призвал следователей допросить его непосредственных начальников, которым он, в соответствии со своими служебными обязанностями, посылал регулярные рапорты о тревожной обстановке, связанной с военными приготовлениями немцев.

Он был уверен: не напади Гитлер на СССР 22 июня, его жизнь была бы вскоре окончена. Также помог и случай. В тот воскресный день по НКВД был, впервые за последнее время, объявлен выходной, и следователи не явились за требуемыми признаниями. Тем же утром в камеру отца вошел курировавший его работу старший майор П.В. Федотов, который сообщил о начале военных действий. Он забрал отца из тюрьмы, получив на это устное разрешение от наркома ГБ В.Н. Меркулова. Спустя несколько дней нарком распорядился перевести отца на пенсию по инвалидности, дабы закрыть это крайне неудачное, с учетом новых обстоятельств, дело. Отметим, что приказ о переводе на пенсию совпал по дате с днем задержания.

Все для победы

Несмотря на то что В.Я. Швейцер просил оставить его в рядах сотрудников НКВД, в этом ему отказали. В качестве компромисса было предложено поехать в город Горький и контролировать отправку с военных заводов на фронт соответствующей техники. С 1943 года отца восстановили как действующего сотрудника НКВД, однако не в том управлении, в котором он трудился до задержания, а в созданном Главном управлении по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Местом службы стали лагеря для офицерского состава пленных – сначала в Казахстане, а потом в Красногорске, где отец находился вплоть до 1947 года. Его работа по получению важных сведений от допрашиваемых офицеров вермахта получила высокую оценку – он был награжден орденом «Знак почета» и двумя орденами «Красной звезды», что для офицера, не принимавшего участия в военных действиях, было крайне редким явлением. Среди конкретных дел отца было получение информации о технических возможностях танка «Фердинанд» накануне Курской битвы, сведений о судьбе Гитлера от его ближайшего окружения из числа прислуги в бункере в Берлине, а также анализ документов, изъятых при взятии Берлина из различных секретных архивов германских спецслужб.³

При работе с этими документами отец вновь соприкоснулся с трагическими событиями предвоенной истории. В его руки попала составленная экспертами вермахта и абвера докладная записка, адресованная политическому руководству Германии, датированная июлем 1939 г. В ней предлагались сценарии, связанные с активно готовившимися в то время военными действиями против Польши и ее англо-французских союзников. Суть предлагавшегося сводилась к идее заручиться до начала «польской кампании» благожелательным нейтралитетом со стороны СССР. Эксперты вермахта и абвера не исключали, что Советский Союз сможет выступить, в случае активной польской обороны и поддержки со стороны англо-французов, на стороне последних. Приводились данные об интенсивной модернизации Советской армии и подготовке нового офицерского и генеральского состава вместо репрессированных в 1937-1938 гг. испытанных военных кадров.

Памятуя о собственном печальном опыте кануна войны, отец не стал давать какого-либо аналитического заключения относительно этих материалов. Для себя же он сделал вывод, что пакт «Молотова-Риббентропа» не отдалил, а, напротив, приблизил начало войны, ибо к 1 сентября 1939 г. немцы были гарантированы от войны на два фронта. В то же время незаключение упомянутого пакта отдалило бы начало общеевропейских

---

³ Козлов В.А. Дело «Миф». Расследование НКВД/МВД СССР обстоятельств исчезновения Гитлера. «Отечественная история». 1996, №1 сс.86, 91.

боевых действий, позволив СССР лучше, чем в 1941 г., подготовиться к неизбежной войне с фашизмом.

В беседах со мной на тему начала войны отец вспомнил и такой эпизод, связанный с попавшим в его руки документом. Он должен был визировать опись переданных ему документов. Однако в итоговом списке экспертная записка вермахта и абвера уже не значилась. Отец сделал вывод, что высокое начальство отдавало себе отчет в том, какой взрывоопасный характер имеет наличие экспертной записки даже в архивном фонде. Этот документ, по существу, ставил с ног на голову всю концепцию оправдание пакта «Молотова-Риббентропа».

Свой вклад в победу над фашизмом внесла и моя мама. С начала войны она была направлена на полигон в Бутово, где находился пункт слежения за начавшими уже в июле 1941 г. налеты на Москву немецкими самолетами. Ее задачей был радиоперехват переговоров летчиков по поводу намеченных для бомбежки объектов. Мать рассказывала мне, что ей было очень тревожно узнавать о целях для бомбежек в непосредственной близости от дома номер 5 по Каляевской улице, в который вся семья переехала вскоре после возвращения из Германии. В период войны она занималась подготовкой радистов для заброса в тыл немцев и обрабатывала различные материалы, полученные от наших разведчиков за линией фронта. В одном из эпизодов, связанных с ее работой, косвенно обозначился и я. В начале 1943 года, когда армия Паулюса оказалась в окружении под Сталинградом, а сам генерал-фельдмаршал попал в плен, маму вызвал к себе тогдашний глава НКГБ В. Меркулов с уже одобренным сверху указанием срочно выехать в Сталинград для участия в допросах Паулюса. Однако, увидев достаточно выразительный живот, сразу отменил ее командировку, сказав буквально следующее: «Вам сейчас надо думать совсем о другом, а на ваше место я найду не менее квалифицированного переводчика». Кстати, мать ходила на работу и на последних месяцах беременности. Оттуда ее утром 4 июня 1943 года отправили в ближайший роддом на Новой Басманной улице, где и появился на свет автор этих строк.

Следует сказать, что мама считалась одним из лучших знатоков немецкого языка в своем 12 отделе. В начале 1940 года начальником Главного Управления Государственной Безопасности В.Н. Меркуловым ей было поручено сделать для И.В. Сталина перевод небольшого отрывка из книги Бисмарка, касавшегося отношений России и Германии. В нем железный канцлер полагал важным элементом германской политики партнерские, а не конфронтационные отношения с Россией, военные действия против которой представлялись Бисмарку бесперспективными. Перевод Сталину, со слов В. Меркулова, понравился, хотя в дальнейшем он едва ли пригодился вождю. С учетом имеющейся у меня информации, тогда, в период «медовой дружбы» с Германией, Сталин готовился если не к встрече с фюрером Третьего Рейха, то, во всяком случае, к деловой переписке. А.М. Швейцер-Челнокова полагала, что глава государства лично составлял списки тех, кто мог быть лично полезен для допросов Паулюса, и

она также была у него «на карандаше». Как-то она, то ли в шутку, то ли всерьез, заметила, что из-за моего грядущего появления на свет она лишилась еще одной правительственной награды, скорее всего – ордена. Замечу, что поехавший вместо нее в Сталинград ее коллега Л.А. Безыменский, впоследствии видный журналист-международник, был награжден за допросы Паулюса орденом «Красной Звезды».

В теплый вечер 9 мая 1945 года вся наша семья вместе с ближайшими родственниками присоединилась к толпам москвичей в центре столицы. Для меня, сидевшего на плече старшего брата, салют Победы стал первым сознательным ощущением окружающего мира. Я с восторгом наблюдал многоцветье московского неба, шум восторженной толпы, здравицы в честь победителей фашизма. К которым, как читатель узнал из очерка, можно с полным правом отнести и моих родителей, ковавших победу в войне на ее невидимом фронте.